

Ч

У

Д

А

К

ЧЕХОВСКИЙ

РЕГИСТРАТУРА

В. МАЛАХОВСКИЙ

СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ КЛАССИКАМИ

ЧЕХОВ: — Николай Васильевич, я, кажется, проигрую вам соревнование... Смотрите, сколько ваших персонажей живы до сих пор!.. Вон — переодетый городничий Сквозник-Дмухановский, вон — Держиморда в толстовке, вон Ляпкин-Тяпкин с вечным пером в кармане... ГОГОЛЬ: — Чет, Антон Павлович, скорее вы победите в нашем соревновании: вашим «человекам в футляре» тут и счета нет!

СКВЕРНАЯ ПАМЯТЬ

Как это ни странно, в Ялте далеко не все знают чеховскую дачу. Знают ее больше простые люди — рыбаки, огородники, извозчики («А, Чехов? Это который читатель?», фруктовики, пригородные греки и татары.

В их отношении к покойному писателю сохранилось много тепла и подлинного, серьезного и хорошего уважения.

Как раз возле дачки Чехова на Аутке размещено было когда-то татарское кладбище; узнав, что на большого Чехова вид похоронных процессий, постоянным зрителем которых ему волей-неволей приходилось быть, производит тяжелое впечатление, — татары по собственной инициативе перенесли кладбище в другое место.

Кажется, что, в память Чехова, они и по сей час не хоронят никого на этом пустыре, близ его, превращенного в музей, домика.

II, в то же время, у людей, певцом которых Чехов был, в сущности, всю свою жизнь — у полукультурных российских интеллигентов — память о нем настолько выветрилась с годами и потускнела, что когда спросишь у какого-нибудь латинского дяди Вани на улице, где тут чеховская дача — он посмотрит с таким очевидным недоумением во взгляде, точно впервые услышал, что, вообще, в его городе существует такой дом, подумает и неуверенно скажет, оправив пенсиз:

— Где-то, знаете, наверху, кажется.

Похоже, что они никогда и не бывали там, и даже во всю жизнь ни разу не прошли мимо...

С этой супружеской парой я столкнулся, взбираясь по крутой и темной базарной лесенке на террасы верхней Ялты.

Они тоже спрашивали о даче Чехова и имели вид заправских туристов; у него торчал бедер из кармана и висели бинокль и термос через плечо, она опиралась на кизилевую черную палку и была в коротком клетчатом жакете, какие носят путешественники англичанки.

Мы пошли вместе.

— Быть в Ялте и не зайти в чеховский дом, это все равно, что в Риме не посмотреть на папу, — сказал он, сняв шляпу и отирая лысину платком: — между тем, все бегает на водопад, а сюда никто почти не ходит. А ведь интеллигентные люди. Удивительно, до чего мы некультурны.

— А как его звали? — спросила жена.

— Кого, милый?

— Чехова.

— Антон.

— А по отчеству?

Он сморщил, напрягая память, лоб, смутился и неопределенно махнул рукой.

— У писателей, милый, не бывает отчества. Лев Толстой, например, Леонид Андреев, Игорь Северянин. Кто знает их отцов? Таланты в этом не нуждаются.

— Ну, все-таки?

— Можно посмотреть, — сказал он с досадой, пожав плечами и доставая бедер: — по праву же, не это важно. Ведь мы не за это чтим Чехова, а за то великое, что он создал...

В чеховском домике они внимательно рассматривали, закидывая вопросами объяснителя и стараясь ничего не пропустить, каждую мелочь, каждую деталь.

Уцелевшие чеховские вещи вызвали в них трепет; с одинаковым благоговением смотрели они и на карточки чеховских друзей, собранные и сколотые в раме, и на старое перо, которым он писал, и на коробочку с остатками леденцов, которые он сосал от кашля, и на дряхлый семейный комод, из ящиков которого маленький Антоша таскал когда-то танучки тайком от матери.

— Да неужели писал? Да неужели сосал? — все время восклицал он, всплескивая руками: — Подумать только, этой самой ручкой!

Она улыбалась, как подобает случаю, грустно и растроганно.

— Милые леденцы! Милое перышко!

Когда объяснитель, дойдя до расписной украинской миски, рассказал, что эту миску Чехов купил на ярмарке в Полтаве, и потом всем пытался ее подарить, но никто не хотел брать, — он сказал:

— Как это характерно! Он и в вещах любил ту же простоту, какой отмечено все его творчество.

Она подтвердила:

— Милая миска!

Потом объяснитель остановился у камин в кабинете, на котором небрежно, но изумительно ярко набросан был грустный русский осенний пейзаж.

Чехов не любил крымской природы и часто говорил, что кипарисы кажутся ему вырезанными из жести. Он тосковал по

просторному русскому лугу, по березам, по ивам, купающим ветки в реке. Когда он сказал как то об этом Левитану, тот молча взял ящик с красками и в полчаса, за разговором набросал этот изумительный пейзаж на камине.

— Неужели Левитан? — воскликнул муж. — Неужели в полчаса? Из жести, он говорил? Боже мой, до чего верно, до чего тонко, до чего хорошо! Только Чехов мог так сказать!

Она улыбнулась:

— Милые березки!

Они ходили по дому без малого два часа, умиляясь какой сохранившейся безделушке.

Можно было подумать, что это исследователи чеховского творчества, или влюблены в писателя или лично и близко знавшие его люди; но как могли они тогда позабыть его имя?

В книге посетителей он расписался как московский адвокат с супругой и аккуратно отметил число.

Когда мы выходили, она сказала:

— Сейчас же напишу Авдеевым, что мы здесь были. И про камин, и про леденцы напишу. Как мило, как просто! Даже не верится, что это классик.

Он что-то отметил в блок-ноте.

— Да, вещи умеют говорить. Посмотришь вот на все это, и как-то особенно, по-иному начинаешь вдруг ощущать то, что он писал. Двадцать раз прочтешь и не почувствуешь, а тут вдруг все поймешь. Видишь, а ты говорила — «на водопад!» Милая, водопад и в Москве, в Ботаническом саду посмотреть можно. Быть в Ялте и не заглянуть сюда может только мешанин. Ах, Чехов, Антон Павлович! Какой талант, какой человек!

— А что он написал самое главное? — спросила она; — самое большое?

— Самое главное? — переспросил он, задумавшись и искоса с опаской взглянул на меня: — Позволь, это, как его... Вот память! «На дне», кажется? Или — «Евреи»? Нет, определенно — «На дне»!

А. Зорич

БОР. ЕФИМОВ

ВОПИЮЩАЯ НЕ-СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Почему это Чехова печатали и печатают, а меня нет? Я же тоже медицинский факультет кончил и иногда пишу...